

ПЬШУЩАЯ ЭРОТИЖКОЙ

Успех обрушился на меня как снег на голову. Моих хозяев он удивил еще больше, чем меня.

Раньше, когда меня интервьюировали для газет, мне случалось приврать: стыдно было объявить на весь свет, что моя мать в психушке, что я незаконнорожденная и никогда не слышала голоса своего отца. Теперь я с этим покончила и, к моему удивлению, репортеры по-доброму отнеслись к тому, что они окрестили моими «новыми откровениями».

Меня стали наперебой приглашать сниматься. Я снялась в фильме «Джентльмены предпочитают блондинок», а потом в картине «Как выйти замуж за миллионера». Мне было интересно в них играть. Мне понравилось, что мое участие принесло им коммерческий успех, и студия с моей помощью поправила свои дела, хотя ее руководитель считал меня нефотогеничной. Мне нравилось, что прокатчики, съезжавшиеся в Голливуд на кинорынок, приветствовали меня оглушительным свистом.

Мне нравилось, что моя ставка поднялась до 1200 долларов в неделю. Теперь у меня появились платья, слава, деньги, будущее, популярность, о которых я и не мечтала. И еще — несколько друзей. И роман. Но вместо того чтобы почувствовать себя счастливой, я все глубже погружалась в глухое отчаяние. Жизнь вновь показалась мне несправедливой и невыносимой, как бывало в дни моих ранних бедствий.

Самый блестящий человек, с которым меня свела судьба, — Михаил Чехов, актер и писатель. Он родственник Антона Чехова, великого русского драматурга и новеллиста. Это человек величайшей духовной глубины. Он бескорыстен, свят и умен. В России он был одним из лучших актеров. Те полдюжины ролей, которые он сыграл в голливудских фильмах, называются гениальными. Рядом с ним мерк любой талант, он мог сыграть и шута, и Гамлета, причем одинаково потрясающе. Но Михаил ушел из кино. В последний раз он снялся в картине «Призрак розы» — как всегда, великолепно.

Теперь он писал, возделывал свой сад и преподавал актерское мастерство. Я стала одной из его учениц.

Под его руководством я научилась большему, чем игра актера. Я изучила психологию, историю и лучшую из манер — вкус.

Я выучила дюжину пьес. Михаил объяснял мне характеры и варианты их изображения. Никогда мне не доводилось слышать ничего более увлекательного, чем лекции моего учителя. Когда он говорил, мир как будто становился необъятным и необыкновенно красочным.

Однажды после обеда мы с Михаилом работали над сценой из «Вишневого сада». Ставить мизансцену в доме Михаила Чехова было гораздо интересней, чем играть на съемочной площадке. Игра станови-

лась искусством, которое принадлежало актеру, а не режиссеру или продюсеру, а тем более человеку, который оплачивал расходы на постановку. Это было преобразующее искусство, раздвигающее границы жизни и мышления. Мне всегда нравилось играть, и я честно старалась овладеть этим искусством. Но благодаря Михаилу Чехову оно превратилось для меня больше, чем в профессию. Оно стало своеобразной религией.

В разгар работы Михаил вдруг прервался, закрыл на секунду глаза ладонью и взглянул на меня с легкой улыбкой:

— Можно задать тебе один личный вопрос?

— Любый.

— Скажи честно, вот когда мы сейчас работали, ты думала о сексе?

— Нет, — ответила я, — при чем тут секс?

— Ни о каких поцелуях и объятиях? — настаивал он.

— Да нет же, я полностью сосредоточилась на мизансцене.

— Я тебе верю, — ответил Михаил, — ты всегда говоришь правду.

— Тебе — да.

Он несколько минут походил туда-сюда по комнате и сказал:

— Странно. Все время, пока мы с тобой сейчас работали, я чувствовал, как ты излучаешь эротическую энергию. Как будто ты охвачена любовной страстью. Я прервался, потому что мне показалось, что ты, должно быть, слишком сексуально возбуждена, чтобы продолжать работать. Я заплакала. Он не обратил внимания на мои слезы и продолжил:

— Я понимаю, почему тебе трудно на студии, но и студию понимаю тоже. Ты молодая красивая женщина, излучающая эротическую энергию — о чем бы ты ни думала и что бы ни делала. И весь мир отзывается на эти токи. Они льются с экрана, когда ты на нем появляешься. А хозяевам студии только этого и надо. Им наплевать, что ты актриса. Ты делаешь им состояние одним своим появлением в фильме. Мне стало ясно, почему они отказываются считать тебя настоящей актрисой. Ты для них представляешь самую большую ценность как секс-стимулятор. Они бы хотели всего лишь фиксировать твои эротические вибрации. Понятно, каковы их планы.

Он улыбнулся мне.

— Ты могла бы разбогатеть, просто стоя или фигуря перед камерой без всякого актерского умения.

— Мне этого не надо.

— Почему же? — мягко спросил он.

— Потому что я хочу быть актрисой, а не сексапильной куклой. Я не хочу, чтобы мной торговали, как целлюлоидной шлюхой. Куда ни шло — вначале. Но теперь все по-другому.

С этого разговора началась моя война со студией.

Перевод
Нины Цыркун.

Материалы, представленные на этой газетной полосе, рекламируют не какой-нибудь еженедельник, рассчитанный на праздных, не отягощенных желанием напрячь интеллект читателей, а «теоретический» журнал «ИСКУССТВО КИНО». В его портфеле — роман Пьера Паоло Пазолини «Теорема», киносценарий молодого американского режиссера Стивена Содерберга «Секс, ложь и видео», любопытнейшая отечественная проза: В. Сорокин, А. Бородин... А сейчас — эпизод из исповеди Мэрилин Монро, вышедшей в Нью-Йорке в 1974 году, и иронические пророчества маман знаменитого Сильвестра Сталлоне впервые публикуются в нашей стране.